

Научная статья

УДК 81-112

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-20-27

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАМПАНИЙ ПО ПЕРЕИМЕНОВАНИЮ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ И УЛИЦ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ольга Викторовна Петешова

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия, Opeteshova@yandex.ru,
0000-0002-2902-5135

Аннотация. Сопоставляются результаты массовых реноминаций 2 497 поселений и 1 000 улиц, проведенных советским руководством после включения Северо-Восточной Пруссии в состав Советского Союза. В теоретическом плане данные переименования рассматриваются как послевоенное систематическое обновление топонимического пространства, направленное на формирование новой региональной идентичности. Особое внимание уделяется способам согласования исходных и новых топонимов обоих классов, большинство из которых используется в ходе обеих кампаний по переименованию. Вместе с тем доля согласованных реноминаций населенных пунктов, имена которых нередко обладают неясной семантикой, уступает аналогичной доле для переименования улиц, между исходными и новыми номинациями которых почти никогда не фиксируется формальное сходство. Самыми распространенными при замене топонимов обоих классов являются условные способы согласования типа идеологической антонимии и одинаковой тематической соотнесенности. Среди семантических способов согласования в обеих рассмотренных выборках наиболее активно используется перевод, а другие способы такого рода реализуются только при реноминации одного из классов географических объектов (для поселений это семантическая антонимия, а для улиц — ассоциативное название и метонимическая соотнесенность). Для демонстрации основных семантических различий в ойконимической и урбанонимической сферах автор характеризует советонимы и мемориальные топонимы Калининградской области. При переименовании улиц названия приобретают большую значимость, чем при переименовании поселений, и чаще несут выраженную идеологическую окраску. Обе кампании по переименованию географических объектов, согласно результатам исследования, были целенаправленными и идеологически мотивированными, однако характеризовались отсутствием единой системной стратегии на уровне практической реализации и значительной вариативностью в выборе новых названий.

Ключевые слова: переименование, ойконим, урбаноним, идеологическая антонимия, советоним, мемориальный топоним, Калининградская область, Восточная Пруссия

Для цитирования: Петешова О. В. Сравнительный анализ кампаний по переименованию населённых пунктов и улиц Калининградской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 2 (508). С. 20–27. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-20-27.

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF CAMPAIGNS ON RENAMING SETTLEMENTS AND STREETS IN THE KALININGRAD REGION

Olga V. Peteshova

I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia, Opeteshova@kantiana.ru, 0000-0002-2902-5135

Abstract. The article compares the results of mass renominations of 2,497 settlements and 1,000 streets carried out by the Soviet authorities after the incorporation of Northeast Prussia into the USSR. In theoretical terms, these renamings are interpreted as a post-war systematic renewal of the toponymic landscape aimed at establishing a new regional identity. Special attention is paid to the ways of harmonising the original and new toponyms of both classes, most of which are used in both renaming campaigns. At the same time, the share of agreed renominations of

settlements, whose names often have unclear semantics, is inferior to the similar share of renominations of streets, where formal similarity between the original and new names is almost never recorded. The most common methods for replacing toponyms of both classes are conventional methods of coordinating the type of ideological antonymy and the same thematic correlation. Among the semantic methods of coordination in both samples considered, translation is most actively used, while other methods of this kind are implemented only when renominating one of the classes of geographical objects (for settlements, this is semantic antonymy, and for streets, an associative name and metonymic correlation). To illustrate key semantic differences between oikonymic (settlement) and urbanonymic (street) domains, the author examines sovetonyms and memorial toponyms in the Kaliningrad region. Street names acquired greater prominence during renaming than settlement names and more frequently carried explicit ideological connotations. Both campaigns to rename geographical objects, according to the findings of the study, were purposeful and ideologically motivated; however, they were characterized by a lack of a unified systematic strategy at the level of practical implementation and considerable variability in the selection of new names.

Keywords: renaming, oikonym, urbanonym, ideological antonymy, sovetonym, memorial toponym, Kaliningrad Region, East Prussia

For citation: Peteshova OV. Comparative Analysis of Campaigns on Renaming Settlements and Streets in the Kaliningrad Region. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(2(508):20-27. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-508-2-20-27.

Введение

Как известно, времена постепенных трансформаций сменяются в истории региональных топонимических систем скачкообразными, революционными преобразованиями, к числу которых относятся переименования географических объектов [6, с. 6]. Одним из самых ярких в этом отношении периодов в истории России считается период так называемой «культурной топонимики» (1927–1957 гг.), отличающийся наиболее масштабными и быстрыми топонимическими изменениями под влиянием кардинальных перемен в советском обществе [4, с. 221]. Многие из этих изменений были обусловлены необходимостью закрепления на карте страны победы советского народа над внешними агрессорами и последовательной реализации государственной политики по формированию новой социалистической топонимической среды.

В научной литературе эти процессы иногда характеризуются как «топонимические чистки пространства» [5, с. 101] или «топонимические войны» [1], что отражает масштаб и решительность топонимических преобразований, проведенных в СССР после Великой Отечественной войны. В их числе в первую очередь называют реноминации на Карельском перешейке (в бывшей Финской Карелии), на юге Сахалина и в Калининградской области [14, с. 86].

Калининградская область РСФСР была образована на части территории бывшей Северо-Восточной Пруссии, вошедшей в состав Советского Союза после победы над нацистской Германией. До конца 1940-х гг. все имевшиеся на данных землях географические объекты были массово переименованы советским руководством. С одной

стороны, осуществленные здесь реноминации были направлены на формирование новой топонимической среды, не связанной с предшествующим немецкоязычным этапом истории региона [9, с. 103]. С другой стороны, можно говорить о намеренном конструировании новой картины мира переселенцев в область посредством переименования осмысленных участков окружающего их пространства [10, с. 78], а также о том, что топонимы являются здесь «способом публичной манифестации идентичности» [2, с. 152].

В архивных источниках кампании по переименованию населенных пунктов и улиц в этих населенных пунктах освещены в разной степени. Так, историкам достаточно хорошо знакомы экстралингвистические условия реноминации региональных поселений, предложения по которым, как правило, исходили от местных органов власти [8], но окончательные решения принимались на более высоком уровне Президиума Верховного Совета СССР¹. Тем не менее причины выбора новых названий для населенных пунктов Калининградской области документально обоснованы только для 18% всей их выборки, состоящей из 2497 пар ойконимов, построенных по модели «исходный восточно-пруссский ойконим — новый советский ойконим»².

Сами переименования осуществлялись в сложных условиях послевоенного периода — среди разрухи, спешки и отсутствия единых методических

¹ Указы Президиума Верховного Совета СССР // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. 297. Оп. 1. Д. 102а.

² Материалы о переименовании населенных пунктов Калининградской области // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 7. Д. 1.

норм. При этом на сегодняшний день уличные реноминации в региональных поселениях остаются значительно менее изученными по сравнению с переименованиями населенных пунктов. Об этом свидетельствует тот факт, что глубокому анализу в научных работах до сих пор подвергались только реноминации улиц областного центра — города Калининграда (см. краеведческую статью [3], в которой архивный список переименований³ характеризуется как неопрятный, написанный полностью на кириллице и изобилующий ошибками и опечатками, что, впрочем, свойственно и всем документам по реноминации прочих географических объектов области). Опираясь на этот источник, мы просмотрели документы всех районных Управлений по гражданским делам, поскольку именно их приказами проводились переименования в сфере урбанонимии, однако нам удалось обнаружить соответствующие перечни только для Советского⁴ и Славского⁵ районов. В итоге чуть меньше половины итоговой выборки переименований улиц, охватывающей по нашему решению 1 000 случаев, составили акты реноминации, информация по которым получена на основании изучения картографического материала и неофициальных сетевых перечней⁶.

Сравнение согласованных переименований поселений и улиц

При сопоставлении кампаний по переименованию населенных пунктов и улиц Калининградской области целесообразно отталкиваться от особенностей применения в их ходе согласованных переименований, то есть ситуаций подбора новых топонимов с учетом формы или семантики исходных топонимов. Разные способы согласования номинаций используются в 11 % всех случаев реноминации населенных пунктов и в 33 % всех случаев реноминации улиц региона. Более под-

робные количественные сведения по этому поводу приводятся в табл. 1.

Два из способов, перечисленных в табл. 1, являются способами формального согласования, поскольку основаны только на сходстве графического облика исходных и новых единиц. При этом речь идет о переосмыслении, под которым мы подразумеваем подбор в русском языке топонима, производного от слова, которое в фонетическом плане напоминает исходный топоним [7, с. 21], и о заимствовании, предполагающем запись восточно-прусского топонима кириллическим шрифтом с возможными незначительными трансформациями.

Как видно из таблицы, для урбанонимов применение этих способов согласования совершенно не свойственно (единственным примером является переосмысление *Otto-Parschau-Straße* ‘улица имени Отто Паршау’ → ул. *Парашютная*), а количество случаев их реализации в ойконимии не превышает 13 % от всего массива согласованных переименований, что можно проиллюстрировать примером переосмысления *Sawadden* (ойконим с этимологически неясной основой) → пос. *Завидное* и примером заимствования *Domnau* → пос. *Домново*, сопровождающегося суффиксацией. В целом такая незначительная роль формальных согласований при переименовании обоих сравниваемых топонимов легко объясняется установкой инициаторов переименования на последующую четкую идентификацию семантики русскоязычных ойконимов и урбанонимов.

Все остальные способы согласования топонимов, характерные для переименования и ойконимов, и урбанонимов, основаны на толковании семантики исходных единиц, однако два из них являются в некоторой степени условными. Так, одинаковая тематическая соотнесенность связана со, скорее, случайным совпадением тех лексико-семантических групп, к которым относятся исходный и новый топонимы. Например, ойконим *Краснополье* относится к числу фитотопонимов, как и соответствующая ему прусская номинация *Regitten* ‘ржаное’, а в паре *Abschruten* ‘барсуки’ → пос. *Медведево* оба ойконима по своей семантике являются зоотопонимами. Аналогичным образом оба урбанонима из пары *Kalkaper Straße* → *Жулинское шоссе* восходят к названиям двух разных близлежащих поселений, а номинации *Füsilierweg* ‘дорога стрелков’ → ул. *Пехотная* образованы от терминов из области военного дела.

Идеологическая антонимия также квалифицируется нами как условный способ топоними-

³ Материалы о переименовании улиц, площадей и парков города Калининграда // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. 310. Оп. 7. Д. 1. Л. 1–32.

⁴ Приказ Управления по гражданским делам Советского района № 152 от 12.12.1946 г. // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 2.

⁵ Приказ Управления по гражданским делам Хайнрихсвальдского района № 2 от 30.07.1946 г. // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-305. Оп. 1. Д. 2.

⁶ Улицы города Черняховска. URL: <https://www.angrapa.ru/chernyakhovsk/3106-ulitsy-nashego-goroda.html> (дата обращения: 01.11.2024).

Способы согласования топонимов при переименованиях в Калининградской области
Ways to coordinate toponyms during renaming in the Kaliningrad region

Способ согласования	Случаи переименований населенных пунктов, согласованных данным способом	Случаи переименований улиц, согласованных данным способом	Всего согласованных переименований
1. Идеологическая антонимия	84	181	265
2. Одинаковая тематическая соотнесенность	108	38	146
3. Перевод	40	93	133
4. Переосмысление	34	1	35
5. Ассоциативное название	–	10	10
6. Метонимическая соотнесенность	–	10	10
7. Семантическая антонимия	7	–	7
8. Заимствование	2	–	2

ческого согласования, поскольку предполагает принципиальную замену топонима, несущего идеологию Восточной Пруссии, на топоним, отражающий противоположную ему идеологию СССР, но при буквальном соотнесении отличается от него по своей семантике. Примерами ее использования являются акты переименования населенных пунктов *Groß Friedrichsdorf* ‘большая деревня Фридриха’ → *пос. Гастеллово*, при котором на место посвящения императору Фридриху приходит посвящение советскому летчику, Герою Советского Союза Н. Ф. Гастелло, и акт реноминации *Engelshöhe* ‘высота ангелов’ → *пос. Ильичёвка*, заменяющий теотопоним на мемориальную отсылку к вождю мирового пролетариата.

В сфере переименования улиц можно отметить два случая такого рода:

– *Adolf-Hitler-Straße* ‘улица Адольфа Гитлера’ → *ул. Победы*, где в новой номинации чувствуется победа над режимом человека, фамилия которого фиксируется в исходной номинации;

– *Luisenallee* ‘аллея Луизы’ → *ул. Комсомольская*, где название, связанное с прусской королевой Луизой, заменяется на урбаноним, отражающий социальную и организационную реалию советского периода.

Что касается чисто семантических способов согласования географических названий, то общим для ойконимов и урбанонимов является лишь способ перевода. Но даже при его проведении регистрируется заметное различие: в сфере ойконимии, как правило, используется частичный перевод, сопряженный с опущением или заменой ком-

понентов в сложных или составных номинациях (*Tannsee* ‘еловое озеро’ → *пос. Еловое, Dreibrücken* ‘три моста’ → *пос. Мосты*), а в сфере урбанонимии чаще применяется полный перевод (*Wasserstraße* ‘водная улица’ → *ул. Водная, Hafenstrabe* ‘портовая улица’ → *ул. Портовая*).

Наконец, приведем примеры реализации тех способов семантического согласования, которые оказались свойственными лишь для одного из анализируемых топонимических классов. Так, только при переименовании населенных пунктов советские власти применяли семантическую антонимию, предусматривающую выбор нового ойконима, семантика которого прямо противоположна семантике исходного ойконима, как в паре *Groß Dumbeln* (первый компонент обозначает ‘большой’) → *Малое Ижевское* (первый компонент обозначает ‘маленький’).

Напротив, только при переименовании улиц использовались такие способы согласования, как:

– ассоциативное название, то есть подбор к переводческому эквиваленту исходного урбанонима некоторого ассоциативно связанного с ним слова (*Bahnhofsstraße* ‘вокзальная улица’ → *ул. Станционная, Kanonenweg* ‘дорога пушек’ → *ул. Артиллерийская*);

– метонимическая соотнесенность, то есть называние улицы по новому названию того же населенного пункта, в честь которого она была названа до переименования (*Königsberger Straße* ‘кенигсбергская улица’ → *ул. Калининградская, Gumbinner Straße* ‘гумбинненская улица’ → *Гусевское шоссе*).

Завершая характеристику отдельных способов топонимического согласования при переименованиях в Калининградской области, отметим, что как при переименовании поселений, так и при переименовании городских объектов в единичных случаях осуществлялись псевдосогласования единиц, основанные на интерпретации исходного языкового материала, не совпадающей с его исторической или лингвистической природой. При этом наиболее высокой частотностью отличаются случаи, когда новые названия были образованы на основе фонетического сходства с компонентами исходных топонимов, даже при отсутствии семантической связи. Приведем по одному примеру для каждого задействованного класса топонимов:

– для ойконимов: *Kischen* (номинация с неясной основой, напоминающая немецкое существительное *Kirschen* ‘вишни’) → пос. *Вишняки*;

– для урбанонимов: *Schifferdeckerstraße* → ул. *Кровельная*. Исходный урбаноним *Schifferdeckerstraße* имел мемориальное происхождение и был связан с именем жителя Кёнигсберга Шиффердекера. Однако при переименовании он был интерпретирован как производное от немецкого слова, близкого по написанию и звучанию к *Schieferdecker* (‘кровельщик’), что привело к выбору названия ул. *Кровельная*.

Если ранжировать все три типа способов согласования, которые могут использоваться при переименовании географических объектов некоторого региона, по частотности их реализации в названиях населенных пунктов и улиц Калининградской области соответственно, то мы получим картину, представленную в табл. 2.

По таблице очевидно, что, несмотря на количественное несовпадение типов способов согласования, сами последовательности этих типов при проведенном ранжировании полностью совпадают, то есть в сфере ойконимии и урбанонимии наиболее значимыми являются условные согласования (идеологическая антонимия и одинаковая тематическая соотнесенность), а наименее значимыми — формальные согласования (заимствование и пере-

осмысление). Семантические типы согласования (перевод, ассоциативное название, семантическая антонимия и метонимическая соотнесенность) заняли при проведении обеих калининградских кампаний по переименованию срединную позицию.

Однако число случаев семантического согласования урбанонимов в 2,4 раза превышает аналогичное число для ойконимов, что в той или иной мере противоречит известному утверждению о большей изменчивости урбанонимии под влиянием экстралингвистических обстоятельств (см., например, [12, с. 134]), но легко находит объяснение при изучении языкового происхождения исходных топонимов сравниваемых классов. В частности, если все исходные урбанонимы являются немецкоязычными, то в структуре 1442 исходных ойконимов имеются древнебалтийские компоненты, расшифровка семантики которых, естественно, представляла для русскоговорящих инициаторов переименования большую сложность, чем трактовка единиц современного для них немецкого языка, что не могло не осложнить процесс согласования этих номинаций с новыми русскоязычными (более того — 20% исходных ойконимов имели этимологически неясные основы) [11].

Релевантные семантические отличия ойконимов и урбанонимов

При сопоставлении двух выборок топонимов невозможно не обратить внимание на два значимых отличия, зарегистрированных нами при сопоставлении двух выборок топонимов. Во-первых, речь идет об использовании для замены восточно-прусских географических названий советонимов, понимаемых как единицы, в семантике которых закреплены символы советской власти. Элементарные количественные подсчеты показывают, что среди новых ойконимов имеется около 20,5% советонимов (г. *Краснознаменск*, пос. *Совхозное*, пос. *Ударное*), в то время как доля новых урбанонимов того же плана составляет 55,3% (ул. *Колхозная*, ул. *Комсомольская*, ул. *Пролетарская*). Таким образом, урбанонимы демонстрируют значитель-

Таблица 2

Table 2

Типы способов согласования топонимов при переименованиях в Калининградской области Types of ways to coordinate toponyms when renaming in the Kaliningrad Region

Тип согласования	Переименования населенных пунктов	Переименования улиц
Условные согласования	192 случая	219 случаев
Семантические согласования	47 случаев	113 случаев
Формальные согласования	36 случаев	1 случай

но более высокий уровень своей идеологизации по сравнению с ойконимами (примерно в 2,7 раза выше).

Во-вторых, более ярко выраженная идеологизация урбанонимов проявляется в большей распространённости в выборке новых названий улиц таких мемориальных номинаций, которые закрепляют фамилии или имена выдающихся деятелей соответствующих культур (33 % всех рассмотренных новых урбанонимов). В выборке новых названий населённых пунктов доля названий-посвящений не превышает 22 %. В обоих случаях чаще всего географические названия восходят к фамилиям военнослужащих (*г. Гусев, пос. Ватутино; ул. Капитана Гастелло, ул. Кутузова*) и деятелей культуры типа писателей, композиторов или учёных (*пос. Некрасово, пос. Пирогово; ул. Пушкина, ул. Чайковского*), а фамилии политиков (*пос. Володаровка, пос. Ульяновка; ул. Кирова, ул. Фрунзе*) встречаются реже, чем можно было бы ожидать.

Кроме того, отметим, что и ойконимы, и урбанонимы в большинстве своем посвящены личностям, масштаб которых проявился в годы советской власти (*пос. Дзержинское, пос. Панфилово; ул. Калинина, ул. Черняховского*), хотя фамилии деятелей Российской империи также отразились на новых картах этих территорий (*пос. Третьяково, пос. Ушаково; ул. Льва Толстого, ул. Нахимова*). Доля географических названий обоих классов, увековечивающих лиц, которые имеют отношение к региону, существенно сократилась после переименования (почти в 4 раза в ойконимической сфере и почти в 11 раз в сфере урбанонимии).

Заключение

Таким образом, сравнительный анализ показал наличие как сходств, так и различий между кампаниями по переименованию населённых пунктов и улиц при образовании Калининградской области. При выявлении различий наиболее значимыми оказались следующие моменты:

– неясность семантики многих исходных ойконимов приводит к меньшей распространённости согласованных переименований в этой сфере, причем только в этой сфере регистрируются редкие случаи формального согласования задействованных единиц;

– урбанонимия по итогам переименования оказалась более идеологизированной и включает в себя заметно больше мемориальных названий, что в целом отражает общие тенденции, действующие в современной мировой ономастике [13, с. 94].

К числу сходств относится совпадение основной массы используемых способов согласования исходных и новых топонимов в ходе реноминации и предпочтение условных и семантических типов согласования различным формальным типам согласования.

Однако главной общей чертой двух изученных кампаний, сближающей их даже с кампанией по переименованию региональных природных объектов, можно считать определенную непоследовательность при принятии ключевых решений, касающихся отбора русскоязычных топонимов. Она является отражением децентрализованной реализации на местах единой государственной топонимической политики.

Список источников

1. Ворошилин С. И. Топонимические войны в мире — насильственная смена топонимов вследствие войн, революций и колонизации // Вопросы всеобщей истории. 2011. № 13. С. 80–98.
2. Галактионова Н. А. Социокультурный облик региона через призму топонимической политики (кейс Тюмени и Набережных Челнов) // Регионология. 2016. № 1. С. 152–163.
3. Губин А. Б. Топонимия Калининграда // Калининградские архивы. 2003. № 5. С. 139–196.
4. Демьянов К. В. Процессы переименований городов и улиц в СССР: к вопросу о периодизации и локальной специфике // Молодежь третьего тысячелетия. Омск : Изд-во ОГУ им. Ф. М. Достоевского, 2019. С. 219–223.
5. Калуцков В. Н. Изменение геокультурного пространства стран Ближнего Зарубежья в XX–XXI вв. (на материале переименования городов) // Псковский регионологический журнал. 2021. № 2. С. 99–116.
6. Картавенко В. С. Становление региональной топонимической системы: Западный регион России : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2012. 46 с.
7. Кириллова Л. Е., Семерова М. А. Трансформация удмуртских географических названий // Научный диалог. 2018. № 8. С. 9–33.
8. Маслов В. Н. Предложения районных властей о переименовании центров сельских советов Калининградской области (октябрь — ноябрь 1946 г.) // Калининградские архивы. 2019. № 16. С. 84–123.

9. Маслов В. Н. Создание Кенигсбергской области и ее переименование в 1946 году // Калининградские архивы. 2014. № 11. С. 99–109.
10. Митин И. И. Топонимический палимпсест: переименования как символическое (пере)конструирование пространства и места // Псковский регионологический журнал. 2021. Т. 17, № 4. С. 73–83.
11. Петешова О. В., Семенова Е. П. Историко-лингвистический анализ ойконимов Калининградской области // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 1. С. 66–73.
12. Разумов Р. В. Социоллингвистические аспекты исследования городского онимического пространства // Поливановские чтения. 2018. № 12. С. 133–138.
13. Сударь А. М. Социокультурный аспект изучения мемориальных текстов Аргентины // Вопросы иберо-романистики. 2013. № 13. С. 94–103.
14. Шульгина О. В. Историко-географический подход в изучении топонимики российских регионов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Естественные науки». 2016. № 2. С. 84–93.

References

1. Voroshilin SI. Toponymical wars in the world — toponyms' violent change as a result of war, revolution and colonization. *Voprosy vseobshchei istorii = Questions on General History*. 2011;(13):80-98. (In Russ.).
2. Galaktionova NA. Socio-cultural image of a region in terms of toponymic policy (the case study of Tyumen and Naberezhnye Chelny). *Regionologiya = Regional Studies*. 2016;(1):152-163. (In Russ.).
3. Gubin AB. The Toponymy of Kaliningrad. *Kaliningradskie arkhivy = Kaliningrad archives*. 2003;(5):139-196. (In Russ.).
4. Dem'yanov KV. The process of renaming of cities and streets in the Soviet Union: The question of periodization and the local specific. *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya = Youth of the Third Millennium*. 2019:219-223. (In Russ.).
5. Kalutskov VN. The changing geo-cultural space of the CIS countries in the XX–XXI centuries (on a material of renaming cities). *Pskovskii regionologicheskii zhurnal = Pskov Regional Studies Journal*. 2021;(2):99-116. (In Russ.).
6. Kartavenko VS. *Formation of a regional toponymic system: Western region of Russia*: Author's abstract. diss. Dr. Philol. Sci. Smolensk; 2012. 46 p. (In Russ.).
7. Kirillova LE, Semerova MA. Transformation of Udmurt geographical names. *Nauchnyi dialog = Academic dialogue*. 2018;(8):9-33. (In Russ.).
8. Maslov VN. Proposals of district authorities on renaming the centres of rural councils in the Kaliningrad region (October-November 1946). *Kaliningradskie arkhivy = Kaliningrad archives*. 2019;(16):84-123. (In Russ.).
9. Maslov VN. Creation of the Königsberg region and its renaming in 1946. *Kaliningradskie arkhivy = Kaliningrad archives*. 2014;(11):99-109. (In Russ.).
10. Mitin II. The toponymical palimpsest: renaming as a symbolic (re)construction of space and place. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal = Pskov Regional Studies Journal*. 2021;(17-4):73-83. (In Russ.).
11. Peteshova OV, Semenova EP. Historical and linguistic analysis of oikonoms in the Kaliningrad region. *Vestnik Kalmytskogo universiteta = Bulletin of Kalmyk University*. 2023;(1):66-73. (In Russ.).
12. Razumov RV. Sociolinguistic aspects in researching city onymic space. *Polivanovskie chteniya = Polivanov Readings*. 2018;(12):133-138. (In Russ.).
13. Sudar' AM. The sociocultural aspect of the study of Argentine memorial texts. *Voprosy ibero-romantiki = Questions of Ibero-Romantic Studies*. 2013;(13):94-103. (In Russ.).
14. Shul'gina OV. Historical and geographical approach to the study of toponymy of Russian regions. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Estestvennye nauki" = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University*. Natural Sciences series. 2016;(2):84-93. (In Russ.).

Информация об авторе

О. В. Петешова — кандидат филологических наук, доцент Института образования и гуманитарных наук.

Information about the author

O. V. Peteshova — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor at the Institute of Education and Humanities.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024; одобрена после рецензирования 19.01.2025; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 09.12.2024; approved after reviewing 19.01.2025; accepted for publication 14.01.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.